Алэн Акоб

Зарисовки о разном

Алэн Акоб
Зарисовки о разном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50186826
SelfPub; 2023
ISBN 978-5-532-07993-9

Аннотация

В этой книге собраны разные сюжеты из жизни и сказок для взрослых, размышления о будущем, о настоящем и вечном космосе.

Содержание

Искушение 4
Тайна Мачу-Пикчу 16
Прощай, Дашка! 18
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Алэн Акоб
Зарисовки о разном

Искушение

В тот день, когда появилась наука под названием метеорология, люди стали с невероятной точностью предсказывать, на наше счастье, капризы погоды буквально до минуты. День выдался более чем удачным для поездки в средневековый замок, несмотря на то что с утра моросил дождь, потом появилось солнце, снова дождь, опять солнце, жара с духотой – именно то, о чём и сообщали утром по радио, называя это безобразие переменной облачностью с осадками, но под конец дня, в начале вечера снизошло блаженство в виде лёгкого ветерка, который стал трепетно ласкать временно приунывшую природу, разнося свежесть и прохладу в округе.

Именно тогда и было решено, на основе взаимного согласия всех четверых, естественно, не откладывая ехать смотреть замок Milhac, находящийся в двадцати километрах на север департамента Дордонь, юго-запад Франции. Сказано – сделано.

Деревенская дорога, петляя, тянулась в довольно-таки живописном дубовом лесу, вековые деревья сказочно тянулись по обе стороны нашего недолгого пути, создавая тень с

полумраком, из которой веяло нездоровой сыростью и грибами. Повороты были настолько круты, что почти приходилось тормозить на каждом вираже. В открытое окно машины поначалу врывался свежий ветерок из леса, потом стало попахивать раскалёнными тормозными колодками, и пошёл жар перегретого мотора с едким душком горелого масла, пришлось даже поднять стекло. В затянутом пеленой небосводе с редкими облаками висела розоватая тарелка луны, стояло полнолуние, хоть небо было ещё и светло, но оно уже невозвратимо догорало остатками размазанного солнца на стёртом горизонте, луна и солнце одновременно, из-за этого ехали не спеша, восторженно наслаждаясь не только взбунтовавшимися планетами, но и местными красотами.

Заглядевшись на пару ошалелых соек, которые своим ржавым чириканьем о чём-то жарко спорили на нижней ветке старого дуба, я и не заметил, как наехал на кабана. Он выбежал на середину дороги и замер на мгновение, которого оказалось вполне достаточно, чтобы быть тут же сбитым железным бампером моего старенького джипа. Стук, скрежет тормозов, толчок от удара был настолько сильным, что отбросил зазевавшееся животное метров на пять вперёд к деревьям. Резко становив автомобиль, основательно встряхнув пассажиров, будучи сам потрясённым от случившегося, минуты две как я был в шоке и сидел, оцепенело вцепившись, до онемения, руками в руль. Сзади раздался спокойный голос Жоржа:

– Что это было, Филипп? – Он, как всегда, хладнокровен. – Какой-то лесной зверь?

– Это ужасно, ты его убил! – воскликнула Изабель визгливым голосом истерички.

– Не думаю, скорее всего, он его усыпил, – с уверенностью римского патриция продолжил Жорж, – так бывает, от удара может произойти обморок, совсем как у людей.

– Фил, выйди, посмотри, что стало с бедным животным, – попросила Марта, пристально посмотрев на меня, словно видела первый раз, – может, нужна помощь.

– Как же, помощь! А кто вчера в ресторане заказывал saute de sanglier au curry?

– Не будь циником, Жорж, ресторан – это одно, а сбитое животное на дороге – это совсем другое, – сказал я, с трудом выбираясь из машины, начиная приходить немного в себя от происшедшего. Вслед за мной потихоньку стали вылезать остальные пассажиры.

На обочине дороги лежал чёрный с блестящей серебринкой на холке кабан средних размеров. Внимательно осматривая его, мы не заметили ничего, что могло нас насторожить, нигде не было видно ни следов крови, ни переломов. Я уже начал нагибаться над ним, чтобы дотронуться до него, убедиться, что он и вправду мёртв, как Жорж дал ему хорошего пинка под зад. Кабан резко вскочил и бросился наутёк. Женщины громко вскрикнули, я попятился назад от

неожиданности, один только Жорж с невозмутимым видом продолжал:

– Я же говорил вам, что он оглушён, вот один раз с моим дядей Кристофом на охоте в лесу под Бордо был интересный случай…

– Ну знаешь, дружок мой милый, твои выходки переходят все границы! – гневно бросила Изабель и, укоризненно покачивая головой, пошла к машине. Оставшийся путь мы ехали молча, даже неунывающий Жорж, казалось, взгрустнул, наверное, был обижен на нас за непонимание его далеко не элегантного жеста.

Наконец появились первые аккуратные, ухоженные дома деревушки Milhac – деревянные балконы, усыпанные цветами, светло-коричневые черепицы, поблескивающие от последних лучей закатывающегося за горизонт хилеющего солнца. Вокруг была умиротворяющая тишина безлюдных улиц отдалённой провинции, разве что у булочной стояло несколько разодетых старушек, обсуждавших последние новости региона с традиционным багетом в руках. После последнего дома, прямо на площади, показался наконец и сам замок. Огромный, грандиозный, колоссальное сооружение из камня и песка с треугольными крышами и острыми башнями, которые грозно протыкали небо своими железными пиками, он прошел века и события, горел, его разрушали, но каждый раз он восставал из пепла и руин ещё более мо-

нументальным и величественным. Неприступные широкие стены отражали атаки врагов, спасая жителей за своей каменной преградой. Он пережил римлян, визиготов, франков, сарацин, викингов, даже знаменитому Чёрному принцу в 1370 году пришлось здесь позорно отступить, оставляя за собой его стены, потом и Столетнюю войну, находясь между Францией и Англией на границе Окситании и Лимузена, междоусобицы и коварство интриг, и, как всегда, остался стоять непоколебимым оплотом местного дворянства, достойно дойдя вплоть до престижного титула баронства. Этот молчаливый свидетель серого средневековья окружён тайнами и легендами, одна из которых про бедную Луизу, которую заточил ревнивый супруг, прежде чем уйти воевать на тридцатилетнюю войну.

Машину пришлось оставить после безуспешных поисков тени на площади, что прямо перед замком, напротив обитых железом толстых ворот из дуба. То ли полнолуние, то ли дорога, а может, местный воздух, но у меня разыгрался волчий аппетит, и я предложил перекусить что-нибудь из местной кухни в одном из многочисленных ресторанчиков, сделанных в виде таверн. Конфи из утиных ножек (confit de canard) местного приготовления был просто восхитительный, и мы решили утопить это прекрасное блюдо в красном вине, разумеется, от местных виноделов. Pecharmant прекрасно подходил к блюду, официант быстро принёс бутылку, после традиционного распробования, не успел я пригубить из бокала,

как Изабель мне заметила:

– Филипп, а разве не ты водитель сегодня?

– Допустим, я.

– Мне кажется, что одного сбитого кабана на сегодня хватит с лихвой.

– Да разве он его сбил, усыпил слегка, – запротестовал Жорж из страха остаться без собутыльника.

– Это не повод, чтобы нетрезвым сесть за руль, – бросив взгляд исподлобья.

– Послушайте, – вмешался я, – зачем ссориться, может, Марту попросим, она и не пьёт, и машину водит хорошо.

– Правда! – обрадовался Жорж. – Что ты молчишь, Марта, окажи услугу, a ton cheri.

– Я не молчу, но аперитив мой я допью! – все засмеялись.

Незаметно для нас за разговорами опустошив вторую бутылку вина, мы встали из-за стола, оставив на чай официанту, и все вместе стали потихоньку спускаться к замку по небольшому склону с густо посаженными по обеим сторонам дороги благоухающими нарциссами, тюльпанами, бородатыми ирисами. Времени оставалось мало, почти час до закрытия.

Заплатив за вход, вместе с гидом, оказавшимся проворной молоденькой девушкой лет двадцати со свежим лицом, обрамлённым кудрявыми белокурыми локонами, мы начали наше ознакомление с дворцом прямо с первого этажа – длинного коридора, отдающего сыростью. Старинные гобелены,

картины, мебель, хозяйственная утварь – всё дышало эпохой. Оставив в стороне современный комфорт, я мысленно перемещался в историческом пространстве, простота бытия и понятий живших людей того времени поражала. Сегодня представить нашу жизнь без телевизора, телефона, унитаза и пачки качественных презервативов с ароматом вишни почти невозможно, не говоря об электричестве и автомобилях. То, что нынче кажется диким и аморальным, в те ещё не совсем далёкие времена, каких-то пять, шесть столетий назад, было просто нормой поведения, а тем более смотреть, осуждать или объяснять те или иные события, жизненные устои глазами современного обывателя было бы неправильно, я бы даже сказал, несправедливо.

Ступеньки каменной лестницы, по которой мы поднимались на второй этаж, были основательно истёрты временем, и, несмотря на предупреждение гида, пару раз я сам чуть не слетел с неё, если бы не вовремя подставленная рука Изабель, которая шла рядом со мной, совсем позабыв о Жорже, который с видом доктора исторических наук внимательно слушал, изредка задавая каверзные вопросы и сам же на них отвечая, не дожидаясь ответа нашей сопровождающей. Его физиономия с острым длинным носом, на котором сидели очки с толстыми стёклами, напоминала учёную сову, которая решила блеснуть своими знаниями среди сведущих людей, совсем не в тему. Молодую особу, которая вызвалась

быть нашим гидом, это сначала забавляло, но через некоторое время её стало раздражать, и она принялась говорить, смотря исключительно в мою сторону. Это, в свою очередь, задело Жоржа, и он тоже стал смотреть в мою сторону и объяснять некоторые детали эпохи Столетней войны. Мне не оставалось ничего другого, как слушать обоих, кивая головой невпопад, чтобы никого не обидеть. Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта словесная дуэль, нацеленная на меня, если бы мой запальчивый друг не оступился бы на одной из неровностей древних ступенек и не полетел назад, вниз, продолжая считать их количество задним местом и спиной. Женщины бросились его подымать, как назло, меня разобрал неудержимый хохот, за что тут же был удостоен свирепого взгляда раненого дракона со стороны павшего Жоржа.

Наконец, покончив со всеми приключениями, мы благополучно добрались до второго этажа и зашли в небольшую комнату, которая называлась Chambre de la Fileuse, с маленькой кроваткой, над которой был подвешен балдахин из коричневой ткани. В углу стоял небольшой прядильный станок с прялкой, огромный камин, чтобы хорошо прогреть даже такую маленькую комнатушку, как эта, каменный пол и дверь с изображением благородной молодой дворянки с чепчиком на голове, юбка с оборкой, просторная белая камиза, с прялкой в поднятой вверх правой руке, за что она и получила прозвище – пряха. В её красивом овальном лице было

немного грусти и любопытства, отпечаток печали и скрытого лукавства. Монотонный голос без выражения, как у ученика, хорошо выучившего свой урок, начинал уже приедаться нам всем, наводя зевоту, даже Жорж заскучал, изредка незаметно тупо пялясь на пышную грудь гида. В 1610 году Луизе было всего лишь тринадцать лет, когда её выдали замуж за барона Антуана де Растиньяка. То ли благородный дворянин был ревнивым, то ли молодая девушка была влюблена в небогатого князя, но об этом пронюхал её новоиспечённый муженёк, решив заточить её в одной из башен своего дворца, прежде чем пойти на войну, которая длилась без малого тридцать лет. Единственным занятием бедной девушки была пряжа нити из овечьей шерсти да наивные рисунки на стенках комнаты. Как тут не вспомнить народную мудрость – "Лучше смех в хижине, чем плач во дворце".

Рассматривая художества Луизы, изображённые в верхнем углу камина, я не заметил, как оказался совершенно один в этой печальной комнате, похожей на тюрьму. Окинув последний раз беглым взглядом приглянувшийся мне рисунок, собираясь уже выходить, услышал приглушённый грудной смешок за спиной. Что за чертовщина, вроде бы стою один, никого нет, и кто-то смеётся совсем рядом.

– Ты испугался… – и снова смешок. Я огляделся ещё раз – никого.

– Нет, не испугался, – ответил я и почувствовал, как спина покрылась холодным потом.

– Не бойся, я красивая.

– Лучше бы ты была счастливой, – я начал приходить в себя.

– Что ты знаешь о счастье. Когда любишь кого-нибудь, так это на всю жизнь.

– Мне неприятно разговаривать с тобой, потому что я тебя не вижу.

– Я здесь, – голос справа, – нет, я тут, – голос слева, – здесь я, – голос сзади с приглушённым смешком. Портрет молодой девушки, что был изображён на двери, слегка зашевелился, тусклые краски ожили, губы порозовели и сжались упрямой ниткой.

– Я начинаю понимать твоего мужа, который запер тебя в этой комнатке, ты большая проказница и шалунья.

Изображение лица изменилось, просветлело, взглянув с озорством сквозь пелену оживающих глаз, она засмеялась.

– Да, проказница, проказница, все думали, что я пряжу пряду, чтобы время коротать, а я записки спускала вниз из окна моему возлюбленному.

– Странная любовь у тебя, она держалась всего лишь на одной только нити, а прясть ты хоть умела? Пряжа – дело крестьянок, а ты дворянка, баронесса. Впрочем, какова пряха, такова на ней и рубаха.

– Старалась, нитка должна была быть крепкой, ведь не только записками мы обменивались, но и золотом, чтобы стражу подкупить.

– Так значит, и на свидания к нему ходила, а я-то думал… И так вплоть до возвращения самого барона? А вдруг попалась бы, что тогда?

– Ты ничего не понимаешь в любви! – хихикнула она.

– Ну конечно, ни в счастье, ни в любви, где нам вас понять, мы по тридцать лет не воюем и ведьм на костре не сжигаем, – съязвил я и тут же пожалел, а вдруг она меня спросит, как сейчас воюют или, ещё хуже, что у нас делают с инакомыслящими, но, кажется, пронесло, моя собеседница решила просто поболтать со мной о том о сём и больше рассказывает, чем спрашивает.

– Если попалась бы, так погибла, я смерти не боюсь, я возлюбленного потерять больше боюсь.

– Похвально, для молодой баронессы ты смелая девушка, живущая в эпоху европейского формирования и тридцатилетней воины.

– Не люблю войну, мужское это дело, женское – церковь, молитва, забота о муже.

– Вот именно, если бы не Габсбурги с их стремлением царствовать над христианским миром, неизвестно, что бы ты делала со своим amoureux, супруг бы остался в замке, не ходил бы на войну.

Раздался стук упавшего предмета.

– Дорогой, ты с кем разговариваешь? – рядом стояла Марта и с изумлением смотрела на меня.

– Кто, я? Да так, размышляю вслух, – соврал я.

– Ой! А это что? – воскликнула гид и, нагнувшись, подняла с пола старинное веретено, на котором была полустёртая надпись "mon amour". – Странно, – задумчиво рассматривая его, прошептала она, – откуда оно здесь, я сама вчера здесь подметала.

– Пойдём отсюда, Филипп, что-то мне холодно стало, знобит.

Втроем мы стали выходить из комнаты через маленький проём в стене, где, очевидно, стояла раньше дверь с портретом. Пропустив дам вперёд и выходя последним, я невольно обернулся и бросил последний взгляд на дверь с изображением Луизы. Она сладостно мне улыбалась, грациозно подняв юбку и обнажив пару своих красивых ножек в белых чулках с розовой подвязкой из атласа, изящно завязанной бабочкой на левой ноге. Я мотнул головой, окончательно отгоняя дурные мысли, и решительно вышел из комнаты, не оборачиваясь. Вдогонку мне нёсся злорадный смешок кокетки.

Тайна Мачу-Пикчу

Холодный горный ветер, что шёл из глубины ущелья изо дня в день, безжалостно трепал редкий кустарник, что рос на склонах гор Мачу-Пикчу, завывая, добрался даже до улиц пустынных, подымал столбы мелкой пыли, носился как полоумный между огромных камней, что стоят истуканами молча вокруг одинокого города. Здесь не звучит детей голосок, и женщин больше нет тут нарядных, только воет ветер и плачет дождь о былом величии славном, здесь жил когда-то целый народ, куда он ушёл, где теперь он живёт?

Он был известный математик, никогда не спешил и думал только о будущем, а планы у него были грандиозно большие. Съездить в Египет, взойти на Кордильеры, чтобы увидеть Мачу-Пикчу, отдохнуть в Италии на Лазурном берегу, а потом и Париж со всеми вытекающими последствиями.

Он знал, что в Египте сильное солнце, и с женой долго выбирал очки с тёмными стёклами, чтобы глаза не устали, даже поругаться из-за этого с ней успел. Для Кордильер была куплена специальная обувь, чтобы со скал не сорваться случайно. Пляжный коврик в мелкую клеточку для Италии, костюм для Парижа. Всё было обдумано, рассчитано до мелочей, с математической точностью, но только одного он не мог никак рассчитать, хоть и был теоретик, это было то, о

чём знает каждый, но не знает когда.

А в далёком космосе, за голубыми облаками, за золотыми звёздами, в великой бесконечной тишине, сквозь астероиды, планеты неизвестных нам миров, где вечность живёт и время стоит неподвижно, там Боги сидят, поднявшись с самых вершин Кордильер, где была когда-то великая империя инков, и именно там они судьбы людей вершат неразумных.

Дома, сидя на диване с чашкой горячего чая в руке, он смотрел передачу про горы и альпинистов, про Мачу-Пикчу, пытался понять, что человека в горы зовёт, где плата жизнью порой, почему он на вершину идёт, а может, виною тому мечта или злая гордыня, чтобы хоть раз на пару минут оказаться выше всех и приблизиться к вечным богам, властителям душ человеческих, или посмотреть на всех свысока.

Выпала чашка из рук, разлился кипяток по ноге, но боли он не почувствовал и был уже далеко, где-то там в небесах по дороге в тишину. Вдова недолго горевала, почти целый год, а потом вышла замуж за старого врача. Сначала они побывали в Париже, загорали на пляже в Италии, бродили в тёмных очках вокруг пирамид и лишь только не успели на Анды, остались они не для них.

И только Мачу-Пикчу, бывший город, что лежал между гор, тайну хранил о том, куда исчезли люди, что жили здесь когда-то.

Прощай, Дашка!

Над железнодорожным вокзалом медленно угасал летний день, в вечернем воздухе пряно пахло цветущей сиренью, которая в изобилии росла рядом с лохматыми хризантемами на привокзальной клумбе, было сезонно тепло и душно. В зал, куда вошла молодая женщина приятного вида, от стен исходила сырая прохлада, едко воняло креозотом от шпал. Она вытерла тыльной стороной ладони лёгкую испарину со лба, внимательно огляделась вокруг, ища глазами расписание поездов. Повсюду гремели чемоданы, железные ящики, гружёные на тележки у вечно торопившихся грузчиков, спешили пассажиры, кто-то громко завал Ольгу через весь зал – типичное вокзальное оживление перед отбытием поезда.

Легко, с военной выправкой, она поднялась по железным ступенькам в пассажирский вагон в сопровождении проводника, который сразу же задвинул за собой дверь, молча показав рукой на купе номер три, в котором сидел молодой человек, смахивающий на молодого инженера после института. Войдя внутрь, она бегло посмотрела по сторонам и бесцеремонно уставилась на него проницательным взглядом школьного учителя, ему показалось, что его видят насквозь, от смущения он привстал и с улыбкой поздоровался. Небрежно кивнув головой, она села на нижнюю полку и сказала проводнику, чтобы поставил увесистый чемодан в багажный от-

сек.

– Было забронировано три спальных места, – не то спросил, не то сказал проводник.

– Я буду одна, – сухо ответила она. Старый железнодорожник понимающе кивнул головой и вышел в коридор.

На ней было серое платье из крепдешина в мелкий горошек, на ногах чёрные лодочки со слегка сбитым низким каблучком, сидела она сжав коленки, чуть наклонив ноги в сторону, в капроновых чулках телесного цвета, элегантно обтягивающих точёные щиколотки. В её строгой манере одеваться была скрытая грациозность молодой женщины, умеющей недорого, но изящно наряжаться на одну зарплату, а полнейшее отсутствие какой бы то ни было бижутерии делало её серьёзной и неприступной особой. Уткнувшись в листы бумаг со схемами и чертежами терморегулятора, инженер продолжал изучать возможные неполадки и сбои в работе мудрёного прибора. Это была его первая командировка с завода, куда он пошёл работать по профессии сразу же после окончания политехнического вуза. С теплицы и со склада, куда была произведена поставка заводской продукции, ещё неделю назад стали поступать тревожные сигналы о сбоях в работе терморегулятора, температура не была стабильной, она беспричинно то подымалась, то опускалась, срочно требовался специалист, чтобы не месте разобраться в неполадках. После недолгого совещания директора предприятия с главным ин-

женером было решено Семечкина как молодого специалиста послать в командировку и одновременно проверить, чего он стоит на деле.

В свои двадцать шесть лет Николай был холостым и обзаводиться семьей не спешил, жил он один с матерью в хрущёвке, отца не помнил. Прораб Семечкин погиб на стройке в нетрезвом состоянии, сорвавшись вниз с пятого этажа, когда получал ковш с бетоном от подъёмного крана. Воспитывала его бабушка, которая жила с ними вместе, так как мать работала в бухгалтерии на производстве, да и дома бывала редко, иногда неделями пропадала у кого-то, а когда появлялась по выходным, то каждый раз подолгу ругалась с матерью на кухне.

– Ох, Верка, смотри, в гулящую как бы ты не превратилась! – кричала приглушённым голосом ей бабушка.

– Не лезьте не в ваше дело, мамаша, я ещё молода, и жить мне никто не запретит.

Потом они обе плакали и пили водку, закусывая пирожками с картошкой и луком. Как-то раз, когда в духовке вызревал, покрываясь корочкой, очередной мясной пирог, он спросил свою бабу Асю, почему она мать называет гулящей девкой? Отвесив хороший подзатыльник, она пригрозила ему насыпать хорошую порцию перца на язык, если он ещё хоть раз неуважительно заговорит о матери, и тут же добавила, что вместо того, чтобы подслушивать разговоры взрослых, лучше бы он думал о своих уроках.

В восемнадцать лет Николай пошёл в армию, служил в авиационном полку на Дальнем Востоке, после демобилизации сразу поступил в институт. Бабушки к тому времени уже не стало, он очень переживал её утрату.

За закрытым наглухо окном купе железнодорожный вокзал продолжал жить своей обыденной жизнью: опаздывающие пассажиры, машинисты, тюки, ящики, милиционеры – всё это двигалось, кричало, падало, звало. Вскоре мягкий толчок, поезд заскрежетал своими металлическими частями и, слегка покачиваясь, как лодка в море, тронулся в путь, меняя на ходу с набираемой скоростью частоту стука колёс и, окончательно сделав свой выбор на нужном ритме, понёсся вперёд, в окне сразу замелькали деревья, поля, лес, деревеньки, длинное озеро с зарослями камыша у песочных берегов.

Смеркалось, небо, ещё почти светлое, но уставшее от прошедшего дня, начинало томно темнеть по краям небосвода, где-то вдалеке летели ровным треугольником журавли, в замелькавших окнах деревень зажигались тусклые огни, пока всё это не слилось в один двигающийся светло-лиловый цвет бегущих огней рядом с несущимся поездом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.